

Единая Европа: союз любой ценой

Рост политической активности регионов стран-членов Европейского союза как иллюстрация глокализации

© 2015 г. Е.С. Поваляшко

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
epovalyashko@mail.ru

События XX века привели к коренным изменениям в системе международных отношений и в соотношении глобального и регионального измерений. В частности, наблюдается резкий рост политической активности регионов стран-членов Европейского союза. Одной из перспективных теорий для анализа происходящего является теория глокализации.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, регионализм, Европейский Союз, внешние связи регионов.

Произошедшие в XX веке кардинальные изменения в системе международных отношений, а именно рост и неизбежность глобализационных и интеграционных процессов, равно как и рост числа акторов заставили исследователей обратить внимание на роль регионального аспекта. Всё чаще высказывалось мнение о взаимном влиянии процессов, проистекающих на «макро-» и «микро-» (региональном) уровнях. Кроме того, во второй половине XX века увеличилось число конфликтов в Европе, в основе которых лежат этнические лозунги (конфликт в Югославии, сепаратизм в Стране Басков, на Корсике).

Одним из доминирующих утверждений в конце XX века стал тезис о взаимозависимости процессов, происходящих на глобальном и региональном уровнях. Кроме того, в данный период регионы, в частности регионы стран-членов Европейского союза (ЕС), всё чаще стали совершать действия, ранее не присущие административно-территориальным единицам государств: осуществлять межрегиональные связи, лоббировать

свои интересы в институтах Европейского союза, которые являющихся по сути наднациональными, открывать представительства в Брюсселе, как центре «евробюрократии».

Одним из способов осмысления происходящих процессов стала концепция глокализации. Сам термин был введен в оборот японскими экономистами в 1980-е годы и означал адаптацию какой-либо фермерской технологии к местным условиям, а позже стал использоваться для обозначения адаптации глобального товара в конкретном локальном рынке [5].

Ещё у японских авторов происходит постепенный переход от сугубо экономического восприятия глокализации к культурному и политическому. Позднее данная концепция разрабатывалась в первую очередь западными авторами, сферой интересов которых являлась глобализация. Глокализация была объявлена более адекватной концепцией для описания происходящих в настоящее время процессов. При этом авторами отмечалась ущербность существующей концепции глобализации,

как неспособной объяснить, например, растущее стремление микроуровня к сохранению разнообразия в противовес унификации.

Так, одним из первых исследователей понятие глокализации в своей книге «Глобализация: социальная теория и глобальная культура», опубликованной в 1992 году, переосмыслил и дополнил английский социолог Р. Робертсон. Для него глокализация – это одновременно глобальные и локальные тенденции в их единстве, в конечном счёте, взаимодополняемые и взаимопроникающие друг в друга, хотя в конкретных ситуациях способные на столкновение [2, с.28].

Несколько отличается предлагаемое З. Бауманом прочтение глокализации. Он не отказывается от утверждения о взаимосвязи глобализации и «территоризации» мира и полагает их разными сторонами одного процесса. Вместе с тем, З. Бауман настаивает на интерпретации глокализации как процесса, «объединяющего тенденции глобализации и локализации, основанного, прежде всего, на перераспределении привилегий и дискриминации» [4, с.102–103].

Несмотря на возможные различия в трактовках авторов, в большинстве случаев глокализация понимается как диалектический нелинейный процесс взаимодействия глобального и локального, интеграции и регионализации.

Особый акцент хотелось бы сделать на диалектическом характере глокализации. Законы диалектики позволяют понять и осмыслить происходящие процессы. Несмотря на критику диалектического подхода К. Поппером, диалектический материализм позволяет рассматривать причины, проявления и последствия политической активности регионов стран-членов ЕС через призму глокализации.

Закон единства и борьбы противоположностей. Так, например, мы можем видеть всеобщее стремление властей стран Европейского союза к унификации, дальнейшей интеграции. Вместе с тем, наблюдается ранее нехарактерная активность на уровне регионов. Более

того, данная активность становится всеобъемлющей и уже не ограничивается гуманитарной сферой. Постепенно регионы получают все больше и больше политических прав. Быстрее всего данный процесс идет в рамках перераспределения полномочий с государственного уровня на региональный и наднациональный в рамках реализации принципа субсидиарности.

Закон перехода количественных изменений в качественные. Традиционно регионы, заявляя о своем недовольстве, в первую очередь озвучивают претензии в вопросах ущемления культурно-языковых прав. Но незначительные ограничения не провоцируют мобилизации масс. Постепенно к культурным лозунгам присоединяются требования более справедливого с точки зрения региона перераспределения экономических ресурсов. И, в итоге, всё завершается политическими требованиями (например, расширение прав в области местного законодательства, взимания налогов и т.д.). Кроме того, ни одно сепаратистское движение не возникло из неоткуда, но является продуктом накопившихся непримиримых противоречий подогреваемых политической волей.

Закон отрицания отрицания. Среди исследователей середины XX века популярны были идеи политического реализма, воспринимавшего государство как единое образование и единственного актора в системе международных отношений. По данной схеме долгое время строился анализ не только международных отношений, но и взаимодействия «центр-периферия». Существовал всего один уровень осуществления международных связей. Вместе с тем, в результате развития регионы постепенно приобретают всё больше и больше прав, что было немыслимо ещё 30 лет назад. Постепенно, один уровень распался на три – региональный, государственный и надгосударственный. Более того, в 1990-е годы возникла концепция «Европы регионов» и получила вторую жизнь идея «Соединенных штатов Европы», что позволило исследователям ввести термин «новое средневековье». Таким

образом, государственный уровень частично растворился, и его заменило взаимодействие регионального (локального) и наднационального (глобального). Хотя нельзя безоговорочно утверждать об исчезновении государственного уровня в ЕС, его мутация в прошедшие 10 лет обозначилась весьма явно.

Яркой иллюстрацией глокализации является рост активности регионов стран-членов Европейского союза в сфере внешних связей. Данная деятельность не направлена на отделение от государства, а призвана способствовать повышению благосостояния региона внутри страны. Региональные партии, иногда являющиеся легализованными представителями сепаратистских движений, активно работают в Европарламенте, созывают собственные съезды, представители местных органов власти лоббируют региональные интересы в Брюсселе, заключаются соглашения о сотрудничестве с другими регионами и т.д. Многочисленные внутриевропейские и глобальные процессы подпитывают стремление регионов к развитию внешних связей.

Несомненно, на современном этапе можно констатировать тотальную унификацию в странах Западной Европы (членах Европейского союза). В экономике, финансовой и производственной сферах, вводятся стандарты, нормы, квоты. В результате производство традиционных продуктов и изделий, прославивших тот или иной регион, становится нерентабельным или даже незаконным. Кроме того, наблюдается размывание и вытеснение традиционных ценностей.

Именно на региональном уровне ярче всего проявляется стремление людей противостоять унификации, привносимой глобализацией, что влечет рост интереса к местным традициям, культурам, диалектам. Так, в Великобритании было внедрено теле- и радиовещание на местных языках такого крупного средства массовой информации как БиБиСи. Жители Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса ревностно следят за тем, чтобы дорожные указатели и вывески

дублировались на местном языке. Вместе с тем, не все коренные шотландцы, валлийцы или ирландцы знают язык предков. Но для желающих организуется изучение языка. Также все сайты местных органов власти отображаются не только на английском, но и на местном языке. Подобную ситуацию можно наблюдать и на острове Корсика и даже в регионе Бретань (Франция).

Стоит отметить, что во второй половине XX века государственный этноцентризм рассматривался как опасное заблуждение. Высшей добродетелью политики провозгласили терпимость к чужим отличиям, а защиту права быть отличным от остальных – верной целью. Во многом это был благородный порыв, вызванный ужасами Второй мировой войны и желанием оградить человечество от его повторения. Так, в Устав Организации Объединенных Наций был включен принцип права наций на самоопределение, вольная трактовка которого стала поводом, но отнюдь не причиной многих кровопролитных конфликтов современности (например, Косовский конфликт).

Таким образом, именно народы, чьи права в культурной, экономической, политической сфере были ущемлены, или кажутся таковыми, вызывают особую симпатию у обывателей и особый интерес у политиков, так как подобные локальные проблемы позволяют решать проблемы глобального уровня (например, изменение баланса сил). Кроме того, некоторые исследователи усматривают в подобной идеализации «ущемленных» народов возвращение к идеализации «благородного дикаря» Ж.-Ж. Руссо [8].

Стремление местного населения к сохранению своей идентичности в противовес всеобщей унификации умело используется региональными политическими силами как средство для мобилизации масс с целью извлечения выгод. Подобная деятельность реализуется в активизации регионалистических и сепаратистских движений. Идея ущемления прав коренного населения, малых и разделенных народов и их отличия от остальной части населения страны лежит в основе многих этносепаратистских

движений, например, на Корсике (Франция), в Стране Басков (Испания), Каталонии (Испания), Шотландии (Великобритания). Но этнический фактор был доминирующим в 1960-1980 годах, в то время как в настоящее время экономика побуждает многие регионы к регионалистической, а иногда и сепаратистской деятельности.

Унификация на макроуровне, постоянное стремление государств к интеграции, введение новых моделей поведения заставили многие сепаратистские организации Европы если не отказаться от вооруженной борьбы, то, по крайней мере, легализоваться и осуществлять взаимодействие (или его часть) в рамках правового поля, порой сохраняя боевое крыло. По такому пути пошел Фронт национального освобождения Корсики. Вместе с тем, экономически бедные европейские регионы отказались от активных действия по отделению от государств, предпочитая судьбу дотационных регионов.

В тоже время, Каталония и Шотландия – типичные примеры «сепаратизма богатых», когда регионы, предоставляющие наибольшие налоговые отчисления в государственный бюджет, не хотят тратить данные средства на своих более бедных и менее доходных соседей. Именно здесь проявляется амбивалентная природа глокализации. С одной стороны их борьба – явление местного масштаба. Но с другой, именно глобализация позволяет им активно вести свою деятельность. Здесь действует не маргинальное боевое крыло сепаратистов, а органы местного самоуправления, местные парламенты и общественные организации. Современные средства массовой коммуникации позволяют легко и быстро доносить до аудитории их позицию, новые возможности, открытые европейской интеграцией, позволяют вести политическую борьбу с «центром» на наднациональном уровне: в Европейской Комиссии, в Комитете регионов, в Европейском Парламенте.

Таким образом, нельзя отрицать, что в процессе отстаивания своей самобытности регионы активно используют достижения века глобализации.

Как уже было сказано выше, в конце XX века регионам стали доступны такие немислимые ранее способы отстаивания своих интересов как осуществление внешних связей, создание объединений регионов, лоббирование интересов в органах ЕС и через представительства в Брюсселе. После Второй мировой войны данный процесс по разным причинам постепенно развивался в разных странах. Но самое яркое его проявление можно наблюдать только со становлением основных институтов ЕС и признания ЕС принципов subsidiarity и многоуровневого управления. В настоящее время внешние связи регионов стран-членов ЕС можно разделить на следующие категории: собственно внешние связи (сотрудничество с регионами внутри ЕС и вне ЕС), работа представительства региона в Брюсселе с целью лоббирования интересов региона (индивидуальные и коллективные представительства), работа представителей регионов в органах ЕС в интересах регионов (в институтах, специально созданных для регионов, таких как Комитет Регионов или в иных органах ЕС, где предполагается учет мнения регионов).

Именно идея перераспределения властных полномочий позволила регионам получить такое большое количество прав. В настоящее время в Комитете регионов работают представители 350 местных и региональных органов власти ЕС, в Брюсселе расположены представительства более ста регионов и межрегиональных организаций. Все эти представители и представительства активно стараются влиять на принятие решений на европейском, т.е. наднациональном, уровне. Кроме того, следует учитывать, что век глобализации позволил регионам создавать собственные объединения. Так существует множество межрегиональных организаций и ассоциаций, в состав которых входят административно-территориальные единицы разных государств. Например, регионы, обладающие законодательскими правами, объединились с целью влияния на свои государства и ЕС для отстаивания и расширения своих законодательских

возможностей. А создаваемые ЕС трансграничные еврорегионы, призванные углублять интеграцию и повышать уровень местного благосостояния, также размывают государственный суверенитет.

На основании вышесказанного можно выделить ряд причин роста политической активности регионов, большинство из которых связано с углублением европейской интеграции. Во-первых, у регионов появляются новые возможности (например, внедряется принцип субсидиарности, появляются новые институты, где мнение регионов должно быть учтено при принятии решений). Во-вторых, тотальное стремление властей ЕС к стандартизации провоцирует регионы на противодействие такой унификации (появляются различные региональные движения декларирующие свое стремление сохранить местную культуру, традиции, язык). Зачастую подобные настроения местного населения подогреваются и используются политиками для достижения собственных целей. В-третьих, при реализации программ поддержки регионов ЕС осуществляет их финансирование напрямую, что подрывает в глазах регионов монополию государства на власть. В-четвертых,

внедренная в ЕС идея «четырех свобод», а также активно реализуемая практика создания «еврорегионов» способствуют размыванию государственных границ.

Таким образом, деятельность ЕС вносит значимый вклад в развитие региональной политической активности. Подобная активность, как и большинство процессов, имеет как отрицательные, так и положительные последствия. К отрицательным можно отнести размывание государственных границ, размывание государственного суверенитета, культивацию конфликтов и поощрение конфликтного поведения и, в итоге, дестабилизацию системы международных отношений. В качестве позитивных последствий можно назвать сохранение культурного наследия, спасение традиций, создание и развитие новых форм взаимодействия.

Таким образом, в развитии политической активности регионов всегда следует соблюдать баланс, иначе чрезмерное поощрение наднациональными властями активности субнационального уровня может привести не к повышению уровня жизни обывателей и процветанию государства, а к развитию множественных этнических конфликтов и ослаблению страны.

Список литературы

1. *Traité de Lisbonne modifiant le traité sur l'Union européenne et le traité instituant la Communauté européenne.* Режим доступа: http://ec.europa.eu/archives/lisbon_treaty/full_text/index_en.htm (дата обращения 15.04.2015).
2. Robertson R. *Glocalization: Time Space and Homogeneity Heterogeneity* // *Global Modernities* / Ed. by Featherstone M., Lash S. and Robertson R. London: Sage, 1995. P. 124–143.
3. T.J. Courchene *Glocalization: The Regional International Interface* // *Canadian Journal of regional science*, XIII, 7 (Spring). P. 1–20.
4. Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества* / Пер. с англ. М.: «Весь Мир», 2004. 188 с.
5. Бек У. *Космополитическое общество и его враги* / Пер. с англ. А.М. Хохловой // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2003, Том VI-№1. С. 24–53.
6. Елин Д.В. *Противоречивость процесса глобализации: локализация и глобализация* // *Общество: политика, экономика, право*, 2010. №1. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/protivorechivost-protsesssa-globalizatsii-lokalizatsiya-i-glokalizatsiya> (дата обращения 16.04.2015).
7. Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А. *Теория глобализации в контексте постклассической парадигмы* // *Известия Томского политехнического университета Философия, социология и культурология*, 2007. Т. 311. № 7. С. 115–120.

8. Понарина Н.Н. Глобализации: мировая культура и локальные культуры // Теория и практика общественного развития, 2010. №1. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-tendentsii-i-protivorechiya-kontseptualnyy-analiz-1> (дата обращения 16.04.2015).

9. Эпштейн М.Н. Дар слова №19. Проективный лексикон Михаила Эпштейна, 15 января 2001. Режим доступа: URL: <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar19.html> (дата обращения 16.04.2015).

«Войны памяти» в Республике Молдова: исторический инструментарий и искажение народной памяти о прошлом

© 2015 г. А.А. Чорба

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
mr.chorba@mail.ru

После распада СССР на территории постсоветского пространства появились тенденции к пересмотру исторического прошлого и общей истории. Данное явление было названо «войнами памяти».

Ключевые слова: война, память, Молдова, история, оккупация, националисты, искажение фактов.

После распада СССР новообразованные республики вошли в новый этап формирования государственности. Это потребовало новых проектов по изучению истории и её презентации. При этом ведущая роль в этом процессе перешла в руки политической элиты, которая имеет заинтересованность в определенной интерпретации прошлого. Прежде всего, национальные элиты стремились доказать свою значимость и важность, для этого им требовалось отойти от общей истории, связанной с Российской империей и СССР. При этом история в их руках превратилась в своего рода оружие, инструмент политики. Отдельные исторические моменты, как позитивные, так и негативные, выпячивались или, наоборот, забывались в зависимости от характера внешнеполитических целей и внутренней политической ситуации. Возникли неизвестные раньше определения – «война памятников» и «войны памяти».

Прежде, чем начинать рассматривать явление «войны памяти» в Республике Молдова, следует сделать экскурс в историю этих земель. Молдавское православное княжество возникло в 1359 году на территории между Восточными

Карпатами, Днестром и Черным морем [1, с. 122]. В силу своего геостратегического положения оно постоянно было ареной борьбы между Польшей, Венгрией, Турцией. С начала 1538 года княжество попало в зависимость от Турции, продолжавшуюся более 300 лет. Молдавские господа постоянно пытались освободиться от османского ига. Надежды на национальное спасение и самосохранение молдавская элита и народ связывали с Россией. Просьбы о принятии Молдавии под покровительство Москвы следовали на протяжении всего XVII века, начиная с 1656 года. Как отмечают историки, в это время в Молдавии не было ни одного господаря, который бы не обращался за помощью и поддержкой к России. Сближение с Россией явилось курсом высшего духовенства и значительной части политической элиты страны [2, с. 13].

16 мая 1812 года в результате подписанного между Россией и Турцией Бухарестского мирного договора часть Молдавского княжества, располагавшаяся между реками Днестр и Прут, была избавлена от турецкого господства и стала частью Российской империи. Позже эта территория стала называться

Бессарабией. Таким образом, Молдавия между Прутом и Днестром оказалась под защитой сильной и более развитой в экономическом и общественно-политическом отношении России. В результате Бухарестского договора бессарабские земли более ста лет не знали войн, в крае сложились условия для успешного сельскохозяйственного, транспортного, промышленного развития, повышения культурного и образовательного уровня населения. За пять лет население региона удвоилось. В современной Молдове роль России преподносится как «сугубо отрицательная в истории молдавского народа». Россию упрекают в разрушении территориальной целостности единого Молдавского государства, при этом турецкое иго преподносится как союзнические отношения с Молдавией. Турция только дань брала, гарантировав целостность и защиту княжеству от «хищных соседей». При этом замалчиваются следующие факты: крестьяне платили до 100 различных налогов, отчего разорялись даже молдавские бояре. Молдавское княжество не было целостным образованием, за три века под властью Турции от него было отторгнуто около 40 % территории, некоторые из них непосредственно управлялись турками. Не может считаться Бухарестский договор и актом аннексии, т.е. насильственным присоединением вопреки воле жителей, так как молдаване более 20 раз обращались к России с просьбой о подданстве. Нельзя оценивать Бухарестские соглашения с точки зрения современного международного права: они полностью соответствовали нормам права XIX века и не вызвали протестов в мире [3, с. 166-167]. За все время пребывания Бессарабии в составе Российской империи не зафиксировано не только ни одного факта сопротивления молдавского населения русским властям, но и даже малейшего намека на какое-либо недовольство со стороны национальных элит. Не является состоятельным и тезис о расчленении единого румынского народа. Образование единого румынского государства, в состав которого вошли земли Молдавского княжества между

Прутом и Карпатами (около 60%) и Валахского княжества, произошло лишь в 1859 году, и именно тогда и был запущен процесс румынизации молдавского населения запрутской Молдавии. Следствием чего стала фактически полная потеря национальной самобытности молдаван в составе Румынии. Совершенно противоположные процессы происходили в «русской» Молдавии – бессарабские молдаване сохранили свою национальную культуру, национальное самосознание и язык [4, с. 10].

С точки зрения современных молдавских историографов в 1918 году произошло воссоединение единого румынского народа «демократическим» путем. Решение об объединении Бессарабии с Румынией было принято на основе голосования 27 марта 1918 года депутатов Сфатул Цэрий – «парламента» Молдавской Демократической Республики, образовавшейся в декабре 1917 года. Желая представить этот акт как волеизъявление народа, современные молдавские историки не акцентируют внимание на следующие факты: во время голосования здание парламента было окружено румынскими войсками и на самом голосовании присутствовали румынские военные власти [5, с. 136].

Последующие 22 года Бессарабия входила в состав Румынии, советское правительство никогда не признавало законность этого присоединения и продолжало борьбу за возвращение Бессарабии. Обходят молчанием современные молдавские историки отказ румынских властей от проведения в крае плебисцита, по предложению советской стороны, с целью дать возможность молдавскому народу самому определить свою судьбу. Не прочтем мы в молдавских учебниках и о фактах насилия над местным населением. Тогда как царившие в это время террор и беззакония привели к массовой эмиграции населения. Более 300 тыс. жителей Бессарабии бежали в СССР, 150 тыс. эмигрировали в другие страны. Фактически «это была скрытая депортация, по масштабам в десять раз превосходившая сталинские переселения» [6, с. 47-48].

Большинством населения пребывание в составе Великой Румынии расценивалось как оккупация, о чем свидетельствуют многочисленные народные восстания, жестокость подавления которых не скрывала даже румынская печать. В частности, бухарестская газета «Taranismul» в 1926 году писала о том, что в период с 1918 по 1925 года румынские власти казнили в Бессарабии более 15,5 тысяч человек [2, с. 16].

В июне 1940 года Бессарабский вопрос был разрешен мирным путем. В официальных нотах от 26–27 июня правительство СССР предложило румынскому правительству вернуть Бессарабию. Румынские власти приняли предложение. 28 июня, при всеобщем ликовании и поддержке абсолютно большинства молдавского народа, части Красной Армии вступили в Бессарабию. «Воссоединение Бессарабии с Россией (СССР) большинство бессарабцев встретило как акт национального освобождения» [6, с. 439].

2 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании Молдавской Советской Социалистической Республики. МССР была создана в результате присоединения 6 уездов Бессарабии к Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике (образованной в 1924 г. на левобережных районах Днестра) [7, с. 191].

Во время Великой Отечественной войны, с 1941 по 1944 гг., МССР была временно оккупирована Румынией, воевавшей на стороне Германии. При этом историками сознательно упускаются из виду факты террора и ограбления Бессарабии со стороны румын. За годы оккупации были уничтожены или вывезены около 90% производственных мощностей, вывезены тысячи единиц сельскохозяйственной техники, разрушили большую часть жилья в городах, транспортные коммуникации, социальную инфраструктуру, систему санитарной безопасности и здравоохранения. Общая численность людских потерь Молдавии в годы войны от всех причин превысила 650 тыс. человек.

Большинство их составили молдаване [8, с. 293–294].

В 1944 году Красная армия освободила Молдавию, и МССР снова была воссоздана в рамках СССР. Молдавская ССР просуществовала до 1991 года, до так называемого «парада суверенитетов». В своей книге «Уголок Бессарабии» в 1913 году Василий Розанов пишет о «колеблющейся психологии окраинного жителя». Данный феномен он описывает со слов местного жителя: «Кто же мы? От Румынии отошли, к России приросли. Дикое у нас положение. Тянет и к Румынии и к России. И мы застряли между этими двумя притяжениями, словно лодка в камышах». Фактор «психологии окраинного жителя» до сих пор играет в жизни Молдовы не последнюю роль [9, с. 417].

В конце 80-ых годов Советское государство захлестнул т.н. «парад суверенитетов». В Молдавии в этот период наблюдается резкий подъем националистических настроений. Национальная элита в борьбе за власть начинает использовать исторические мифы и представления, т.е. идеологический материал, который позволяет противопоставить одну группу людей другой, поделить на «своих» и «чужих», используя объективные трудности и проблемы, возникшие в перестроечный период, и играя на националистических чувствах «титულიной» нации. Создается националистическая организация Народный фронт Молдовы, спонсируемая из Бухареста. В центре Кишинева собираются многотысячные демонстрации с призывами избавиться от «русской оккупации», выйти из состава СССР и создать свою независимую республику. Под давлением фронта Парламент принял Закон о языке, который провозглашал единственным языком в государстве молдавский, с переводом его на латинскую графику. Данный закон являлся по сути дискриминационным по отношению к русскоязычному населению Молдавии. В июне 1990 года парламент Молдовы, отменив в специальном постановлении закон 2 августа 1940 года, провозгласил создание МССР

незаконным актом, а Молдова, таким образом, объявлялась оккупированной румынской территорией [10, с. 12].

Жители левобережных районов, оказавшиеся перед угрозой румынизации, вынуждены были создать самостоятельную от Молдавии республику в составе еще существовавшего СССР. Молдавское правительство пыталось силой подчинить левобережные районы и развязало войну, в которой Приднестровье отстояло свою независимость.

Вот такой, раздираемой на части, Молдова и вступила в фазу независимости. Экономический спад, социальный кризис, падение уровня жизни, Приднестровская война, неустойчивость политической системы и коррумпированность местных властных элит нужно было чем-то прикрыть. К тому же элитам было необходимо легитимизировать свою власть. В такой ситуации уже вынутая из колоды историческая карта «русской оккупации» помогала отвлекать внимание общества от острых проблем в стране.

Отправной точкой для обвинений в оккупации стал Бухарестский мирный договор. Снова русской, только под названием советской, оккупацией называют возвращение Бессарабии в состав СССР в 1940-м году. Опуская тот факт, что в Молдавии в 1944-1945 гг. практически не было случаев уклонения от службы или дезертирства из рядов Советской Армии, тогда как после 28 июня бегство бессарабцев из румынской армии было повальным. Объясняется это тем, что молдаване считали своей Родиной СССР (Россию), но никак не Румынию [11].

В Кишиневе в 2010 году перед зданием Правительства установили мемориальный камень в память о так называемых «жертвах советской оккупации». Между тем факты говорят нам о том, что за годы советской власти Молдавия стала одной из самых процветающих республик СССР с развитой промышленностью, сельским хозяйством и транспортом [12, с. 377–378]. Тогда как за годы «независимости» Республика Молдова стала самой бедной страной Европы.

Еще в 2003 году были уравнены в правах ветераны Красной армии и ветераны Румынской армии, воевавшей на стороне Третьего рейха. «Серп и молот» уже побывали под запретом как символы «советской оккупации» и «преступлений тоталитарного режима». А недавно в Парламент поступила новая законодательная инициатива о запрете георгиевской ленты, которая, по мнению парламентариев, является символом сепаратизма, российского милитаризма и хаоса. Из употребления на официальном уровне было выведено словосочетание «Великая Отечественная война» с заменой на «Вторую мировую».

День Победы постоянно подвергается нападкам и атакам. Не раз предпринимались попытки вообще отменить праздник, в 2014 году предлагали переименовать его в День Европы. Делается это все потому, что этот праздник представляет угрозу, угрозу тем силам, которые стремятся окончательно переориентировать Молдову в западном направлении. День Победы объединяет память всех народов бывшего СССР. Это память о том, как представители всех народов советской страны сражались в одном окопе бок о бок ради спасения своей общей Родины.

Почему все перечисленное называется «войнами памяти»? Потому что все действия современных молдавских властей, направленные на искажение народной памяти о прошлом, отторгаются и натываются на сопротивление большей части молдавского народа. Казалось бы, что за более чем 20 лет независимости при всех брошенных на пропаганду ресурсов, даже при преподавании в молдавских школах исключительно «Истории румын», при попытках стереть саму молдавскую национальную идентичность, давно пора бы государству взять вверх, но молдавский народ продолжает бороться. Можно сказать, что сегодня есть две Молдовы – официальная, которая и развязала «войну памяти», формируя выгодный для внешних кукловодов образ мышления, и народная Молдова, которая помнит и вопреки указам властей продолжает

читать наше общее прошлое, нашу общую героическую победу.

Что следует делать в этой ситуации России? Закрывать глаза на происходящие в Молдове «войны памяти» или включиться в борьбу? Россия не должна допускать переписываний и искажений истории Великой Отечественной войны, и должна бороться за молдавский народ, который все-таки больше склоняется на

сторону России, вопреки воле Кишинева и Бухареста. Это подтвердил и недавний социологический опрос, который показал, что больше всего молдаване доверяют Президенту России Владимиру Путину – 60%, а также, что число сторонников ориентации на Россию и интеграции Республики в Таможенный Союз выше, чем число сторонников Европейского Союза – 58%, против – 39% [13].

Список литературы

1. История Приднестровской Молдавской Республики. В 2 т. Т.1. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2001. 592 с.
2. Суляк С.Г. Молдавия и русский мир: история и современность (к 650-летию молдавской государственности) // Русин. – Кишинев: Общественная ассоциация «Русь», 2009. №1. С. 7–24.
3. Букарский В.В. Свет из Москвы идет к нам... // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь: РИО ПГУ, 2006. №10. С. 166–169.
4. Бабилунга Н.В. Бухарестский мир в истории молдавского народа: аннексия или освобождение? // Русин. Кишинев: Общественная ассоциация «Русь», 2012. №4. С. 6–10.
5. Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974. 912 с.
6. Шорников П. М. Молдавия в годы Второй Мировой Войны: К 70-летию Великой Победы над фашизмом. Кишинев: Î.S. F.E.-P. «Tipografia Centrală», 2014. 448 с.
7. История Приднестровской Молдавской Республики. В 2 т. Т.2, ч. I. Тирасполь: РИО ПГУ, 2001. 415 с.
8. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2007. 400 с.
9. Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: РОСПЭН, 2003. 720 с.
10. Бабилунга Н.В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь: РИО ПГУ, 1999. №3. С. 4–16.
11. Назария С. М. Молдавский коллаборационизм в годы второй мировой войны и сегодня [Электронный ресурс] // Материк: Информационно-аналитический портал постсоветского пространства. Режим доступа: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=9721> (дата обращения: 20.04.2015).
12. Степанюк В.Ф. Государственность молдавского народа. Исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев: Tipografia Centrală, 2006. 632 с.
13. Из всех зарубежных политиков молдаване больше всего доверяют Владимиру Путину [Электронный ресурс] // actualitati.md: Новостной информационный аналитический портал о политике и обществе в Молдове. Режим доступа: <http://www.actualitati.md/ru/obshchestvo/ih-vseh-zarubezhnyh-politikov-moldavane-bolshe-vsego-doverayut-vladimiru-putinu> (дата обращения: 20.04.2015).